

Сказка о том, кто ходил страху учиться

Один отец жил с двумя сыновьями. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог.

Люди говорили, глядя на него: "С этим отец еще не оберется хлопот!" Когда нужно было сделать что-нибудь, все должен был один старший работать; но зато он был робок, и когда его отец за чем-нибудь посылал позднюю порой, особенно ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: "Ах, нет, батюшка, не пойду я туда! Уж очень боязно мне".

Порой, когда вечером у камелька шли рассказы, от которых мороз по коже продирает, слушатели восклицали: "Ах, страсти какие!" А младший слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, что это значило: "Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться. Должно быть, это также одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю".

Однажды сказал ему отец: "Послушай-ка, ты, там, в углу! Ты растешь и силы набираешься: надо ж и тебе научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы добывать себе хлеб насущный. Видишь, как трудится твой брат; а тебя, право, даром хлебом кормить приходится". "Эх, батюшка!" отвечал тот. Очень бы хотел я научиться чему-нибудь. Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху: я ведь совсем не умею бояться".

Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: "Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Ничего путного из него не выйдет. Кто хочет крючком быть, тот заранее спину гни!"

Отец вздохнул и отвечал: "Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь".

Вскоре после того зашел к ним в гости дьячок, и стал ему старик жаловаться на свое горе: не приспособился-де сын его ни к какому делу, ничего не знает и ничему не учится. "Ну, подумайте только: когда я спросил его, чем он станет хлеб себе зарабатывать, он ответил, что очень хотел бы научиться страху!" "Коли за этим только дело стало, отвечал дьячок, так я берусь обучить его. Пришлите-ка его ко мне. Я его живо обработаю". Отец был этим доволен в надежде, что малого хоть сколько-нибудь обломают.

Итак, дьячок взял к себе парня домой и поручил ему звонить в колокол.

Дня через два разбудил он его в полночь, велел ему встать, взойти на колокольню и звонить; а сам думает: "Ну, научишься же ты нынче страху!" Пробрался тихонько вперед, и когда парень, поднявшись наверх, обернулся, чтобы взяться за веревку от колокола, перед ним на лестнице против слухового окна очутился кто-то в белом.

Он крикнул: "Кто там? Но тот не отвечал и не шевелился. Эй, отвечай-ка! закричал снова паренек. Или убирайся подобру-поздорову! Нечего тебе здесь ночью делать".

Но дьячок стоял неподвижно, чтобы парень принял его за привидение. Опять обратился к нему парень: "Чего тебе нужно здесь? Отвечай, если ты честный малый; а не то я тебя сброшу с лестницы!" Дьячок подумал: "Ну, это ты, братец мой, только так говоришь", и не проронил ни звука, стоял, словно каменный.

И в четвертый раз крикнул ему парень, но опять не добился ответа. Тогда он бросился на привидение и столкнул его с лестницы так, что, пересчитав десяток ступеней, оно растянулось в углу.

А парень отзвонил себе, пришел домой, лег, не говоря ни слова, в постель и заснул.

Долго ждала дьячиха своего мужа, но тот все не приходил. Наконец ей страшно стало, она разбудила парня и спросила: "Не знаешь ли, где мой муж? Он ведь только что перед тобой взошел на колокольню". "Нет, отвечал тот, а вот на лестнице против слухового окна стоял кто-то, и так как он не хотел ни отвечать мне, ни убираться, я принял его за мошенника и спустил его с лестницы. Подите-ка взгляните, не он ли это был. Мне было бы жалко, если бы что плохое с ним стряслось". Бросилась туда дьячиха и увидела мужа: сломал ногу, лежит в углу и стонет.

Она перенесла его домой и поспешила с громкими криками к отцу парня: "Ваш сын натворил беду великую: моего мужа сбросил с лестницы, так что сердечный ногу сломал. Возьмите вы негодяя из нашего дома!"

Испугался отец, прибежал к сыну и выбралил его: "Что за проказы богомерзкие! Али тебя лукавый попутал?" "Ах, батюшка, только выслушайте меня!" отвечал тот. Я совсем не виноват. Он стоял там в темноте, словно зло какое умышлял. Я не знал, кто это, и четырежды уговаривал его ответить мне или уйти". "Ах, возразил отец, от тебя мне одни напасти! Убирайся ты с глаз моих, видеть я тебя не хочу!" "Воля ваша, батюшка, ладно! Подождите только до рассвета: я уйду себе, стану обучаться страху; авось,